

Давыденко Дарья Константиновна
преподаватель кафедры зарубежной
литературы
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Darya Davydenko
Lecturer of the Department of Foreign
Literature
Belarusian State University
Minsk, Belarus
ruseckaja.darja@gmail.com

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В АВСТРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

EXISTENTIAL PROBLEMATICS IN AUSTRIAN LITERATURE OF THE 20th CENTURY

В статье рассматриваются магистральные экзистенциальные проблемы, нашедшие отражение в австрийской литературе XX в. Сложные и неоднозначные ситуации, связанные с постоянной сменой политической парадигмы, привели к кризису национальной и личностной идентичности, который значительно повлиял на тематику и поэтику произведений австрийских авторов. Тенденции, характерные для текстов знаковых австрийских авторов-мужчин, усиливаются в текстах писательниц как обладательниц двойной маргинальной позиции.

Ключевые слова: *молчание; монологичность; рефлексия; экзистенциальная проблематика; маргинализированная литература; национальная идентичность; литература Австрии.*

The article deals with the main existential problems reflected in the Austrian literature of the 20th century. Complex and ambiguous situations associated with the constant change of political paradigm led to the crisis of national and personal identity, which significantly influenced the themes and poetics of the works of Austrian authors. The tendencies typical to the texts of iconic Austrian male authors are intensified in the texts of female writers as possessors of a double marginal position.

Key words: *silence; monologuity; reflection; existential problematics; marginalized literature; national identity; Austrian literature.*

Австрийская литература XX века переосмысляет широкий спектр социальных и политических проблем, с которыми столкнулось государство. В первой половине столетия, после распада Австро-Венгрии, это был выбор между установлением автономии и признанием себя частью Германии, в которой тем временем набирал мощь национал-социализм. Этот период завершился присоединением Австрии к Германскому рейху. После Второй мировой войны ее официальный политический курс был направлен на дистанцирование от опасного соседа, для чего и продвигалась соответствующая литература, в которой выстраивался миф об идиллической мирной Австрии, стране горных деревушек и курортов, что закономерно вызвало отторжение и реакцию в литературных кругах. Как справедливо замечает Д. В. Затонский, «если первая республика по преимуществу открещивалась от собственного исторического прошлого, то вторая, основанная в 1945 году, во многом на него опиралась» [1, с. 14].

В австрийской литературе отражено множество авторских попыток осмыслить исторический процесс, на который отдельная личность имеет крайне ограниченное влияние. Бессилие перед катастрофами века, страх и неуверенность в будущем проявились в глубинных экзистенциальных темах, получивших свое развитие в произведениях знаковых австрийских писателей.

В экспрессионизме начала века ярко выражены отчаяние и бунт против окружающей действительности. Несмотря на то, что немецкий и австрийский экспрессионизм часто рассматривают как единое целое, у исследователей есть все основания полагать, что австрийский вариант этого художественного течения имел свои литературные особенности [2]. Так, Н. В. Пестова утверждает, что для раннего австрийского экспрессионизма характерна «мощная фантастическая канва как некое поле ирреальности, в котором только и возможно проговаривание и разрешение внутренних противоречий Я» [2, с. 26–27]. Тенденция «проговаривания» себя как некая попытка понять свою личность и действительность выходит за рамки экспрессионизма и остается актуальной для австрийской литературы вплоть до конца двадцатого столетия. Усугубление этой тенденции происходит во второй половине века по прошествии двух войн и в результате обострения кризиса австрийского самосознания.

Важнейшим импульсом для усиления интереса к миру внутри человеческого сознания и бессознательного, к собственному опыту стало появление и развитие психоаналитических теорий и практик, оказавших большое влияние на австрийскую литературу и давших возможность рассмотрения табуированных в обществе тем. Например, экспрессионизм в творчестве Оскара Кокошки, Альфреда Кубина, Альберта Пэриса Гютерсло, Георга Тракля часто проявлялся через провокационные и запретные темы эротизма и сексуальности. Кризисное состояние общества, повлекшее за собой переосмысление социальной и исторической действительности, в случае с австрийской литературой породило особенно сильный запрос на поиски ответов внутри человека, его души и психики. Психоаналитическое, внутреннее становится отражением социального. К примеру, лейтенант Густль и барышня Эльза из одноименных новелл Артура Шницлера – социальные типы, а анализ их внутреннего мира – одновременно и попытка разобраться в социальной действительности.

На общие для европейских писателей первой половины XX века темы ожидания катастрофы и конца времен в случае с австрийской литературой накладывается еще одна – кризиса национальной идентичности, комплекса происхождения. Национальная идентификация стала проблемой после распада Австро-Венгерской империи, т.к. Австрия превратилась в маленькое государство, лишенное былого могущества. Темы бесплодного поиска родины, дома и собственной идентичности проявлялись в литературе этого времени через ностальгию по «золотой осени» империи Габсбургов, что характерно для творчества Йозефа Рота и Германа Броха. Йозеф Рот, к при-

меру, рассматривает Австро-Венгерскую империю «как обиталище легенды, как замещение всего подлунного мира, в некотором роде исключавшее существование прочих стран» [1, с. 375]. Вопросы понимания своего места в мире и отсутствия чувства родины пытались отразить в своих произведениях Макс Брод, Франц Верфель, Элиас Канетти, Франц Кафка, Райнер Мария Рильке и др.

Неопределенность и хрупкость австрийской национальной идентичности еще сильнее толкали людей культуры на путь эскапизма и отчуждения в текстах. Парадоксальным образом произведения, которые отражают социальную и политическую действительность во всей ее неприглядности, становятся текстами в том числе и о личных поисках и углублении в себя и свои проблемы, об уходе от действительности в полудобровольную изоляцию. Так, например, творчество Франца Кафки можно рассмотреть и как его личные дневники, попытку преодолеть психологические травмы, нанесенные суровым отцом, и как «пластическую социальную аллегорическую специфику пространства власти» [3].

Диссонанс между полной катастрофой, боли и страданий действительностью и внутренним стремлением к красоте, свободе и справедливости часто приводит писателей к проблеме эскапизма. Мистические тенденции экспрессионистских текстов, попытки анализировать действительность через внутреннее и психику при всей их эстетической значимости могут быть опасны и, в конце концов, бесплодны. Эту угрозу четко осознавал Роберт Музиль, автор романа «Человек без свойств», знакового для австрийской литературы произведения, описывающего конец габсбургской эпохи. Д. В. Затонский сформулировал опасность, которую видит Р. Музиль, как «разрыв между гуманизмом и реальностью» [1, с. 127].

В главном романе автора так называемые «свойства», пустые формы качеств, заменяют собой истинную личность человека. Однако отрекаясь от них, человек перестает соответствовать норме, идет «рядом с жизнью и собственной судьбой» [4, с. 43], но не проживает их. Как замечает Р. Менассе, для австрийцев, переживших опыт перманентных перемен в политическом поле, характерно «недоверие к каждой однозначной, позитивно сформулированной идентичности» [5, с. 17]. Постоянное становление через негативные формы, поиск и отказ от одного конкретного образа, чтобы сохранить истинную личность, – эти черты приобретают большую важность для последующих поколений австрийских писателей.

Определяющей силой в рецепции национального в Австрии литература становится только после 1945 года. Послевоенные годы в культурном плане – это время реставрации. Австрия, признанная лишь жертвой, а не пособницей фашизма, пытается вычеркнуть военное время из коллективной памяти и начать его новый отсчет. Те, кто мог бы сказать свое слово против, например, авторы-эмигранты, так и не смогли вернуться на родину после войны, часть их погибла в концентрационных лагерях. Литература становится политическим инструментом. Вплоть до 1970-х гг. государство поддерживает писа-

телей, укрепляющих миф о мирной туристической идиллической Австрии, работающих в жанре *Heimatroman*, что на русский язык принято переводить как «областнический роман» (Людвиг Анценгрубер, Петер Росеггер). Продолжая традицию региональной сельской прозы, такого рода романы придают большое значение романтизации сельской жизни, акцентируют внимание на сравнении города и деревни. Для становления любой идентичности, в том числе национальной, необходима честная рефлексия, которая в случае с Австрией была отложена на много лет. Как замечает Р. Менассе, «совершенно закономерно, что именно в Австрии возникло самобытное и новое для мировой литературы явление — так называемая “антиобластническая литература”, ведь Австрия и сама являет собой антиобласть существования *par excellence*. При этом антиобластническая литература — не только исконно австрийское явление. Она вобрала в себя все самое важное, самое заметное в литературе Второй республики» [5, с. 100].

Отличительными чертами австрийской антиобластнической (иначе — антиотечественной) литературы становятся нескончаемая рефлексия и разрушение позитивного отношения к родине. Эта литература ориентирована на деконструкцию и пересмотр устоявшихся жанров с целью разоблачения политики замалчивания, а также раскрытия проблем в современной авторам политической системе. Широкое распространение антиотечественная литература получает не сразу, до 1980-х гг. были лишь некоторые попытки, послужившие позже подспорьем для огромного пласта текстов о неприглядной правде австрийской жизни. Так, в статье «Немецкоязычная, но не немецкая. Некоторые аспекты австрийской прозы 1970 – 1990-х годов» А. В. Плахина перечисляет следующих авторов, стоявших на пороге этого явления: Ингеборг Бахман («Среди убийц и безумцев»), Ганс Леберт («Волчья шкура»), Герхард Фритч («Карнавал»), Томас Бернхард («Причина») [6].

Экзистенциальная проблема самоидентификации осложняется тем, что австрийская литература не может быть полностью изолирована от немецкой, это подтверждает и неоспоримое влияние классиков немецкой литературы на австрийцев, и общность языка (хоть у австрийского немецкого и есть свои особенности), и, что немаловажно, тот факт, что многие послевоенные авторы в поиске своего читателя обращались именно в немецкие издательства (Fisher, Hanser, Luchterhand, Rowohlt, Suhrkamp), т.е. в финансовом плане права на произведения австрийских авторов принадлежат немцам. Кроме того, большое значение для нового поколения австрийских писателей имела деятельность немецкой «Группы 47», давшей возможность таким авторам, как Ильзе Айхингер, Ингеборг Бахман, Барбара Фришмут, Петер Хандке, Пауль Целан, быть услышанными.

Вопрос о языке как об определяющем атрибуте культуры и личности занимает особое место в проблеме самоопределения австрийцев и находит свое выражение в литературе. Хотя, как пишет Д. В. Затонский, «ни общий (или почти общий) с немцами язык, ни значительная диффузность австрийской культурной сферы не способны перечеркнуть ее своеобразие. Напротив,

“не свой” язык и диффузность тоже относятся к области своеобразия» [1, с. 13], после Второй мировой войны и эпохи австрофашизма вопрос о языке стал особенно остро.

В данном контексте стоит упомянуть имя Людвиг Витгенштейна, австрийского философа, автора «Логико-философского трактата» (1921), стоящего у истоков логического позитивизма. Его идеи были близки стремлениям Венского кружка, сформированного в 1922 году, создать научный язык, способный отразить этот мир непротиворечиво и логично. Для Л. Витгенштейна особенно важно было то, что высказать посредством языка невозможно, – этическое, относящееся к сфере молчания. Его идеи оставили свой след в творчестве И. Бахман, которая, отталкиваясь от философии мыслителя, выстраивала в рамках своих произведений литературные утопии, делала попытки изменить мир при помощи языка, ведь если язык – отражение мира, то, изменив язык, можно изменить мир. Огромное влияние идеи Витгенштейна оказали и на Петера Хандке, одним из принципов творчества которого была установка на то, что «изменить мир можно лишь за счет изменения языка» [1, с. 409]

Попытки дистанцироваться от Германии, нащупать свою идентичность, по-новому взглянуть на язык, на котором говорили нацисты, пересоздать мир подтолкнули авторов нового поколения к авангардистским экспериментам в литературе, к языковым играм и поискам разных возможностей письма. В их число входят, например, такие яркие представители, как Эрнст Яндль и Фредерика Майрекер. Построение новых отношений языка и действительности, поиск новых способов выражения на самом деле становится для авторов нового поколения «неустанной реализацией свободы» [7, с. 394].

Наряду с молчанием, подразумевающим чтение между строк, важным инструментом построения собственной действительности для австрийских авторов становится монологичность. Своеобразие и индивидуальный подход к использованию данного приема можно увидеть в творчестве Артура Шницлера, Райнера Марии Рильке, Ингеборг Бахман, однако своего рода апогея он достигает в творчестве Томаса Бернхарда. Персонажи его произведений через свои бесконечные эгоцентричные монологи «агрессивно навязывают бытию свою на него точку зрения» [1, с. 377], тем самым формируя вокруг замкнутый мир, в который они укутывают себя, словно в защитный кокон, отказываясь принимать мнение и взгляд извне. Это всегда изолированный пульсирующий мир в голове одного человека – и в то же время это мир австрийский.

Непрекращающиеся попытки разобраться в себе, выяснить, кто я и частью чего я являюсь, личностное и надличностное постоянно резонируют и ведут к познанию этого мира через некую истину в себе. Так, например, П. Хандке пишет о своей литературной деятельности: «Литература давно уже стала для меня средством если не познать себя, то хотя бы отчасти разобраться» [8, с. 390]. Показательно, что такой подход влечет за собой не только особое содержание произведений, но и характерную поэтику.

В случае с П. Хандке это отказ от реалистического метода, от всех использованных ранее методов изображения жизни, придуманных историй, глубокий анализ себя. Как замечает О. Ч. Гронская, «поиск национальной идентичности все чаще связывается с поиском собственной идентичности: человек рассматривается в тесной связи со страной, в которой живет или которая является его родиной» [9, с. 216]. Такая тесная взаимосвязь между личностным и национальным самоопределением только увеличивает ряд проблем, с которыми сталкивается человек в попытках сконструировать свое «я». В данном контексте стоит привести слова Р. Менассе: «... австрийское национальное чувство не складывалось в течение долгого времени в ходе исторического развития, а, как мы уже увидели, возникло совсем недавно и пробивало себе дорогу ускоренными темпами» [5, с. 92]. Сами же австрийцы, по мнению Р. Менассе, воспринимают себя, свою культуру и свою «австрийскость» несколько иначе: «Австрийцы считают себя нацией, но родиной Австрию не считают» [5, с. 91].

Выше нами были рассмотрены причины того, почему же «... австрийскую литературу здесь [в Австрии], как правило, воспринимают точно таким же образом, как и литературу Германии, Франции, Ирландии и т.д., то есть, не обращая внимания на ее национальные особенности, ищут в ней то дополнительное качество, которое отражает ее общий эстетический уровень и общечеловеческие истины» [5, с. 122–123]. Вышеописанный диссонанс оказывает огромное влияние на восприятие своей личности, вынуждает смотреть на свою культуру, как на культуру других, а на себя – как на Другого. Такое отчуждение от себя вкупе с ощущением бездомности и постоянными изменениями внутри и извне рождает литературу, глубоко уходящую в экзистенциальные проблемы личности, литературу внутреннего почти неразрешимого кризиса – в данном случае литературу австрийскую. Отсутствие возможности выбрать Австрию как родину и дом, замалчивание роли Австрии во Второй мировой войне, восприятие своего языка как чего-то, что необходимо делить с более влиятельным соседом, ставят каждого австрийца, пытающегося найти и обосновать свою идентичность, в неустойчивое положение, где онтологически важный выбор был уже сделан за него. Замкнутость, сконцентрированность на монологичности повествования, безрезультатные поиски своего места в мире, характерные для письма австрийских авторов межвоенного и послевоенного периода, на наш взгляд, коренятся в восприятии себя как Другого.

В австрийской литературе XX в. наряду с текстами авторов-мужчин представлены произведения женщин – группы, конвенционально не выделяемой в литературоведении; однако общность экзистенциальных проблем, с которой она сталкивается, порождает схожую тематику и особенности поэтики, а поэтому требует особого упоминания. Вопрос поиска экзистенциальной позиции женщины в австрийской литературе невозможно изолировать от ее магистральных экзистенциальных проблем в целом. Перманентный поиск себя и своего места в быстро меняющемся мире, углубление

в самоанализ, политическое и социальное давление извне при решении экзистенциальных проблем – всё это можно назвать важными отличительными чертами австрийской литературы, созданной представителями обоих полов. Тем не менее стоит отметить, что маргинальная, «периферийная», «провинциальная» австрийская литература становится еще более маргинальной, получает удвоенный статус другости, когда дело касается произведений, написанных женщинами.

Экзистенциальная проблематика в произведениях австрийских писательниц тесно переплетена с вопросом о возможности самоопределения и конструирования личности. Долгое время у женщин не было возможности самим представлять себя в обществе, в том числе и через тексты. Прячась за псевдонимами, подстраивая свое письмо под принятые мужские каноны, женщины часто лишали свои произведения индивидуальности. Тем не менее ограничения, вынуждающие человека принять себя как Другого, которые «намеренно замыкают в рамках объекта, обрекают на имманентность» [10, с. 24], в данном случае позволили выйти на новую глубину исследования вопроса другости для самих себя, найти новые творческие решения. При этом некоторые художественные особенности произведений усиливаются от того, что текст является и женским, и австрийским.

К примеру, в творчестве Ингеборг Бахман мы встречаем образы мира, переданные неожиданным Другим. В частности, в рассказе «Ундина уходит» (1961) мы видим человеческое общество глазами мифологического женского персонажа – представителя двойной другости. Это позволяет автору указать на кризисные моменты человеческого существования в социуме, которые сложно рассмотреть с мужской точки зрения. Сложные отношения с языком и письмом, характерные для австрийской литературы в целом, поиски нового языка, новых форм и методов как поиск свободы также находят у И. Бахман особую глубину. Понимание, что существующий язык несовершенен и требует изменений, раскрывается в ее произведениях на двух уровнях: немецкий с отголосками фашистского прошлого – с одной стороны, и патриархальные нормы и установки в языке – с другой.

Самобытную метафору жизни Другого во враждебном мире можно увидеть в апокалиптическом мире романа Марлен Хаусхофер «Стена» (1963). Через дневниковые записи главной героини, оказавшейся в полной изоляции, передается действительность ментального состояния человека, не находящего возможности выстроить свою идентичность в рамках устоявшихся норм общества. Типичная для австрийской литературы метафора замкнутости и бездомности возводится в абсолют. Устная речь теряет значение в данных условиях, из-за амбивалентного образа стены в романе создается уникальная ситуация, требующая поиска новых путей коммуникации и взаимодействия с миром.

Таким образом, постоянные метаморфозы, анализ ситуации и, параллельно с этим, самоанализ становятся основными составляющими австрийской идентичности, а вместе с тем и ключевыми темами в литературе.

Характерный когда-то для австрийской культуры оптимизм в XX веке окончательно превращается в непрестанное ощущение конца, побег. Экзистенциальные проблемы австрийской литературы (постоянный бесплодный поиск и конструирование своей личности, ощущение бездомности и отсутствие чувства родины, чуждость по отношению к окружению и другость – к самому себе, замкнутость) обусловлены историческими разломами, которые переживала Австрия, и тесно связаны с вопросом о национальной идентичности. Данная проблематика получает в произведениях авторов-женщин дополнительные смыслы и глубину из-за двойного статуса Другого, обусловленного полом. Или, с иного ракурса: наличие в культуре проблемы восприятия женщины как Другого усугубляется в произведениях австрийских писательниц вопросом неопределенной национальной и личностной идентичности, возводя таким образом онтологическую проблему другости в квадрат.

В свою очередь, отображение данных экзистенциальных проблем имеет определенные общие средства и способы художественного воплощения в произведениях разных авторов. Так, для многих знаковых текстов австрийской литературы характерны рефлексивность, монологичность, особое отношение к языку как к конструкту, прямо влияющему на реальность, при этом поиски нового языка, новых форм и методов становятся поисками свободы и новых способов переживать опыт существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Затонский, Д. В.* Австрийская литература в XX столетии / Д. В. Затонский. – М. : Худож. лит., 1985. – 444 с.
2. *Пестова Н. В.* Австрийский литературный экспрессионизм : монография / Н. В. Пестова. – Екатеринбург : ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2015. – 273 с.
3. *Кучерова, А. О.* Социальное кафковедение Ханны Арендт (герменевтический эксперимент 1933 и 1944 гг.) / А. О. Кучерова // Сетевой научный журнал. Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – URL : <https://rrhumanities.ru/journal/article/2423/> (дата обращения : 17.12.2024).
4. *Павлова, Н. С.* Природа реальности в австрийской литературе / Н. С. Павлова. – М. : Языки славян. культуры, 2005. – 312 с.
5. *Менассе, Р.* Страна без свойств. Эссе об австрийском самосознании / Р. Менассе. – СПб. : Петербург – XXI век; Симпозиум, 1999. – 128 с.
6. *Плахина, А. В.* Романы Кристофа Рансмайра и своеобразие австрийской прозы 1980-х–1990-х годов. К проблеме национальной идентичности : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Плахина Антонина Викторовна. – М., 2007. – 230 с.
7. История австрийской литературы XX века : в 2 т. / редкол.: В. Д. Седельник [и др.]. – М. : ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2010 – Т. 2. : 1945–2000. – 576 с.

8. *Хандке, П. Я – обитатель башни из слоновой кости / П. Хандке // Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX в. / ред. Л. Г. Андреева. – М.: Прогресс, 1986. – 640 с.*
9. *Гронская, О. Ч. Человек в «зловещем и неродном междумирье»: образ-символ родины в романе Э. Елинек «Дети мертвых» / О. Ч. Гронская // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай: да 750-годдзя са дня нараджэння Дантэ Аліг'еры і 85-годдзя Уладзіміра Караткевіча : матэрыялы XII Міжнар. навук. канф., Мінск, 22–24 кастр. 2015 г. : у 2 ч. / пад рэд. Г. М. Бутырчык. – Мінск : БДУ, 2016. – Ч. 2. – С. 215–223.*
10. *Бовуар, С. де. Второй пол : пер. с фр. / С. де Бовуар. – СПб. : Азбука, 2017. – 928 с.*

Поступила в редакцию 19.02.2025